

ГЛАВА X

Жизнь въ городахъ

Большіе города Японіи даютъ возможность замѣчательно легко наблюдать жизнь простого народа, потому что маленькіе дома и лавки, открытые спереди, обнаруживаютъ все, что происходитъ внутри, въ противоположность нашимъ закупореннымъ со всѣхъ сторонъ домамъ. Такъ какъ профессія купца считалась прежде самою низменною изъ профессій, то даже и нынѣ не найдешь въ Японіи много екадоровъ или магазиновъ, ведущихъ дѣло на началахъ здоровой нравственности, потому что торговля прежде сосредоточена была въ рукахъ тѣхъ, которые были или слишкомъ неразвиты, или слишкомъ непритязательны для того, чтобы подняться выше класса людей, занимавшихся ею. Отсюда и происходитъ то, что американскіе и англійскіе купцы, которые видятъ Японію только съ дѣловой стороны, постоянно отзываются о японцѣ, какъ о нечестномъ, плутоватомъ и совершенно ненадежномъ человѣкѣ, и значительно предпочитаютъ вести дѣло съ китайцемъ, который, какъ купецъ, имѣетъ много достоинствъ, служащихъ характеристикой англійскихъ коммерсантовъ. Только еще немного лѣтъ назадъ самурай или кто либо другой, способный къ болѣе почетному въ своемъ отечествѣ занятію, началъ охотно обра-

щаться къ коммерческой дѣятельности; только немногіе еще изъ способныхъ современныхъ японцевъ начали понимать, что торговля — одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ благосостоянія государства, и что дѣло покупки и продажи, если только ведется честно, есть дѣло, войти въ которое ни для кого не стыдно. Теперь въ Японіи найдется нѣсколько большихъ купцовъ, на слово которыхъ можно полагаться и которые съ абсолютной честностью исполняютъ принятые на себя обязательства; но большая часть дѣла „продажи и купли“ находится въ рукахъ меркантильныхъ спекуляторовъ, которые извлекутъ выгоду для себя тамъ, гдѣ только возможно, въ моральномъ кодексѣ которыхъ честность не имѣетъ мѣста, и которые еще не поняли, что эта добродѣтель просто необходима даже и съ точки зрѣнія ихъ собственной выгоды. Торговля японцевъ, ведущаяся по мелочамъ и на маленькія средства, имѣетъ скорѣе характеръ игры, — въ которой одинъ изъ участниковъ выигрываетъ, а другой теряетъ, — чѣмъ здраваго обмѣна, въ которомъ обѣ стороны получаютъ то, что имъ нужно. Словомъ сказать, среди японскихъ купцовъ все еще господствуетъ средневѣковое, а не современное понятіе о торговлѣ. Для нихъ послѣдняя — не болѣе, какъ война между покупателями и продавщикомъ, въ которой каждый человѣкъ долженъ сдѣлать все, что можетъ, для своей выгоды; и если одна сторона обманута, то другая считаетъ, что она сама виновата, за чѣмъ просмотрѣла.

Въ Токио, самомъ большомъ и самомъ современномъ изъ всѣхъ городовъ имперіи, лавки — вовсе не большіе городскіе магазины, какіе можно видѣть въ европейскомъ и американскомъ городахъ, но маленькія, открытыя спереди комнаты. Входящій въ

нихъ покупатель садится на полъ у входа, а хозяинъ, кланяясь и улыбаясь ему, назначаетъ цѣну за спрашиваемые имъ предметы по покрою его платья или по степени обнаруженія имъ незнанія настоящей стоимости желаемой покупки. Очень немного еще найдется здѣсь большихъ магазиновъ, гдѣ цѣны обозначены и гдѣ торговаться поэтому не надо ³¹; и въ кванкоба, или на базарѣ, можно купить почти все необходимое для японцевъ всѣхъ классовъ, отъ домашней мебели до иностранныхъ шляпъ, по цѣнамъ, которыя точно обозначены на вещахъ и отъ которыхъ ни приказчикъ, ни хозяинъ уже не отступаютъ. Но всетаки общее впечатлѣніе о состояніи торговли въ Японіи таково, что она все еще находится въ весьма примитивномъ и неразвитомъ состояніи и удивительно отстала отъ другихъ отраслей японской цивилизаціи. Покупка вещей дамами—обитательницами большихъ яшики и богатыхъ семействъ—происходитъ большею частью на дому, потому что всѣ магазины готовы во всякое время, по полученіи заказа, послать приказчика съ кусками крена, шелка и разныхъ другихъ матерій; и часто онъ несетъ на спинѣ товаръ въ такомъ количествѣ, что тюки скрываютъ его съ головой, дѣлая изъ него нѣчто вродѣ прославленнаго въ баснѣ муравья съ зерномъ. Придя по назначенію, приказчикъ осторожно спускаетъ со своихъ плечъ на полъ ношу, развязываетъ огромную фурушики, или скатерть, въ которой ноша была завернута, и вынимаетъ оттуда свертокъ за сверткомъ шелкъ или ситецъ, тщательно завернутые въ бумагу или въ желтый каленкоръ. Съ безконечнымъ терпѣніемъ ждетъ онъ, пока добротность каждаго куска разсматривается и обсуждается, и если ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ покупателя, то онъ готовъ придти опять съ

новымъ тюкомъ товара, зная, что въ концѣ концовъ у него купить достаточно для того, чтобы вознаграждать всѣ его хлопоты.

Менѣе аристократическіе покупатели съ удовольствіемъ сами приходятъ въ магазинъ, и торговыя улицы въ японскомъ городѣ, какъ, напримѣръ, Гинза въ Токио, переполнены женщинами, молоденькими и старыми, также какъ и дѣтьми, которыя любятъ шумную суетливость магазиновъ. Какъ все въ Японіи, дѣло покупки отнимаетъ много времени. У Митеу, въ самомъ большомъ шелковомъ складѣ въ Токио, постоянно можно видѣть цѣлыя толпы приказчиковъ, сидящихъ на циновкахъ, каждый со своимъ соробаномъ, или счетами сбоку, и безконечное число маленькихъ мальчиковъ, снующихъ взадъ и впередъ, принося приказчикамъ изъ складовъ различные свертки или убирая послѣдніе, когда покупатели ушли. Магазинъ кажется для глаза иностранца просто покрытой навѣсомъ и устланной циновками платформой, на которой сидятъ приказчики и покупатели. Эта платформа отдѣлена отъ улицы темно-синими бумажными занавѣсками, висящими съ низкихъ выдающихся карнизовъ тяжелой кровли. Когда покупатели займутъ свои мѣста,—или на краю платформы, или, если магазинъ великъ, на соломенной циновкѣ внутри магазина,—передъ ними появляется маленькій мальчикъ съ чаемъ; услужливый приказчикъ привѣтствуетъ ихъ, подвигаетъ къ нимъ угольную жаровню, чтобы они могли курить или погрѣть свои руки передъ началомъ дѣла, и затѣмъ терпѣливо ждетъ, чтобы ему назвали желаемые товары. Когда это сдѣлано, торговля начинается; призываются магазинные мальчики и посылаются въ большой огнеупорный шкафъ, который стоитъ съ открытыми тяжелыми две-

рами на другой сторонѣ платформы, противоположной улицѣ. Черезъ дверь можно видѣть безконечные свертки дорожныхъ матерій, тщательно уложенные, и изъ нихъ мальчуганы выбираютъ требуемое, нагружая себя такъ, что едва доносятъ тяжесть до мѣста. Такъ какъ предлагаемый товаръ не всегда съ перваго раза удовлетворить покупателя, и такъ какъ даже одинъ и тотъ же сортъ шелковой матеріи имѣетъ много разновидностей по цвѣтамъ и оттѣнкамъ ихъ, то всегда есть много времени наблюдать сцену такой торговли, — глядя на покупателей и на покупательницъ, прихлебывающихъ чай или затягивающихся нѣсколькими затяжками изъ крошечныхъ трубокъ, которыя многіе японцы, какъ мужчины, такъ и женщины, всегда носятъ съ собою. Когда наконецъ покупка сдѣлана, то покупатель долженъ еще потратить время на ожиданіе, пока приказчикъ кончитъ непонятный расчетъ на своемъ соробанѣ, занесетъ его въ торговую книгу магазина, напишетъ и заштемпелюетъ длинный счетъ, который и вручить наконецъ покупателю вмѣстѣ съ взятымъ имъ товаромъ. При первомъ своемъ посѣщеніи магазина иностранный покупатель часто поражается громкими возгласами всего штата приказчиковъ и мальчугановъ, — возгласами, столь внезапными, столь одновременными и могучими, что онъ не можетъ не подумать, что случилось что-то ужасное. Однако скоро онъ узнаетъ, что эти проявленія энергіи — только способъ, которымъ японскіе торговцы провожаютъ уходящаго покупателя, и что эти, повидимому, безсвязные возгласы обозначаютъ только обычную фразу: „благодарю васъ за постоянную благосклонность къ намъ“, которая повторяется каждымъ служащимъ въ магазинѣ, какъ только покупатель уходитъ; послѣдній, даже послѣ

послѣ того, какъ сѣлъ въ джиннерикшу, еще нѣ-
которое время слышитъ эти возгласы, стукъ косто-
чекъ соробановъ и шарканье ногъ нагруженныхъ
мальчугановъ.

Конечно, въ маленькихъ магазинахъ и лавочкахъ
дѣло не обставляется такъ пышно и шумно, потому
что всѣ товары тамъ легко достать,—а лавочки до-
машней утвари и фарфоровыхъ издѣлій, кажется,
умѣщаютъ почти весь свой товаръ въ одинъ рядъ на
платформѣ, иногда даже прямо на улицѣ. Многія изъ
лавочекъ являются въ то же время и жилищемъ ихъ
содержателей. Сзади есть комната для жилья, выхо-
дящая на хорошо содержимый садикъ. Вся работа въ
магазинѣ часто совершается самимъ владѣльцемъ,
съ помощью его жены и семейства и, можетъ быть,
одного или двухъ учениковъ; каждый изъ рабочихъ
по очереди пользуется иногда каникулами, потому что
нѣтъ ни одного дня въ японскомъ календарѣ, въ ко-
торый лавки были бы всѣ закрыты; и даже день но-
ваго года, большой годовой праздникъ, не мѣшаетъ
открытію большей части магазиновъ. Въ общемъ оби-
татели этихъ маленькихъ домовъ, живя почти на
улицѣ, посреди толпы, шума и пыли Токио, всетаки
еще имѣютъ время наслаждаться каникулами и сво-
ими маленькими садами, а также пользуются большими
удовольствиями и обременены менѣе суровою рабо-
той, чѣмъ наши торговцы въ Америкѣ.

Иностранецъ, посѣщающій какой либо изъ боль-
шихъ японскихъ городовъ, удивляется недостатку
большихъ магазиновъ и фабрикъ въ нихъ и часто
спрашиваетъ себя, гдѣ же дѣлаются красивыя издѣ-
лія изъ фарфора и изъ лакированного дерева, и гдѣ
ткуются яркія шелковыя и креповыя матеріи? Здѣсь
нѣтъ большихъ учреждений, гдѣ эти предметы изго-

товлялись бы оптомъ. Изящныя вазы, бронза и шелкъ часто приготавливаются въ самыхъ скромныхъ домахъ, являясь продуктомъ работы одного или двухъ человекъ съ помощью самыхъ примитивныхъ инструментовъ. Здѣсь нельзя видѣть большихъ фабрикъ—этой заразы многихъ городовъ, и докучливый фабричный дымъ никогда не стоитъ надъ японскими городами. Суровая ограниченная заводская жизнь съ ея никогда несмолкающимъ грохотомъ машинъ, сковывающая умы и чувства людей, попадающихъ подъ ея мертвящее влѣяніе, пока не сдѣлаетъ изъ нихъ самихъ почти машинъ,—вещь, почти совсѣмъ неизвѣстная въ Японіи *. Даже жизнь курумаи, какъ ни тяжелою кажется бѣготня въ теченіе цѣлаго дня въ качествѣ лошади по наводненнымъ толпами городскихъ улицамъ, всетаки проводится на открытомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ и не давить его души и тѣла. Для бѣдняка въ японскихъ городахъ никогда нѣтъ недостатка въ свѣжемъ воздухѣ и солнечномъ свѣтѣ, въ зеленыхъ деревьяхъ и травѣ; и вездѣ красивые сады и парки разведены, доступные даже бѣднѣйшему и низшему на общественной лѣстницѣ.

Въ извѣстные дни мѣсяца, въ различныхъ частяхъ города, устраиваются близъ храмовъ ночныя празднества, и многіе лавочники имѣютъ случай воздвигнуть временныя постройки для выставки въ нихъ товаровъ, къ искушенію гуляющей публики. Весьма часто ви-

* Японія такъ быстро воспринимаетъ многія стороны Западнаго строя жизни, что то, что вчера казалось неизмѣннымъ, можетъ значительно измѣниться завтра... Фабричная дѣятельность сильно развивается въ Японіи въ послѣдніе годы, и теперь Осака—портъ близъ Тобе—дымитъ фабричными трубами не хуже Манчестера.—*Ред.*

динь въ такихъ случаяхъ великолѣпную выставку молодыхъ деревьевъ, горшечныхъ растеній и цвѣтовъ, вывезенныхъ изъ загородныхъ питомниковъ и разставленныхъ по сторонамъ улицы. Здѣсь садовники бойко ведутъ торговлю, такъ какъ выставки, часто прекрасныя сами по себѣ, еще показываются при особенно выгодномъ свѣтѣ факеловъ. Энергичные продавцы, которые дѣлають все, что могутъ, для привлеченія вниманія толпы къ своимъ товарамъ, совершаютъ много выгодныхъ сдѣлокъ. Покупка требуетъ искусства съ обѣихъ сторонъ, потому что огромные запросы цвѣточниковъ вошли въ пословицу, такъ какъ они назначаютъ сначала за растеніе пяти- или десятикратную цѣну его настоящей стоимости. Напримѣръ, вы спросите цѣну карликовой вистеріи, растущей въ горшкѣ; продавецъ называетъ сейчасъ же: „Два Доллара“. — „Два доллара?“ восклицаете вы съ удивленіемъ, „да она не стоитъ болѣе тридцати или сорока центовъ!“ — „Тогда семьдесятъ пять центовъ“, слышите вы въ отвѣтъ; и такимъ образомъ покупатель и продащикъ ближе подходятъ къ настоящей цѣнѣ, пока сдѣлка не кончается почти на той цѣнѣ, какую вы сначала предложили. Покупка другого растенія опять сопровождается такимъ же процессомъ; но по мѣрѣ того, какъ вечеръ подходитъ къ ночи, цѣны падаютъ все ниже и ниже, потому что разстоянія до мѣстъ, откуда доставлено растеніе, велики, а трудъ погрузки и доставленія тяжелыхъ горшковъ обратно утомителенъ... И когда послѣдній покупатель ушелъ, то кунцы должны работать еще долго ночью для того, чтобы бережно отнести все домой.

Но, кромѣ цвѣточныхъ выставокъ, есть еще длинныя ряды лавокъ, которыя, вмѣстѣ съ толпой, сну-

ющей по улицѣ, представляютъ веселую и живую сцену. Такъ густа толпа, что съ трудомъ можно протолкаться черезъ нее пѣшкомъ или на джиннерикшѣ; улицы иллюминированы факелами, дрожащее пламя которыхъ вспыхиваетъ и дымится на лету и бросаетъ тѣни по обѣ стороны дороги, освѣщая такія соблазнительныя выставки игрушекъ и разныхъ бездѣлокъ, что не только дѣти, но и взрослые привлекаются ими. Однѣ выставки посвящены кукламъ, другія — игрушкамъ различныхъ родовъ, третьи — птицамъ въ клѣткахъ, золотымъ рыбкамъ въ шарообразныхъ бассейнахъ, странно „чирикающимъ“ наѣкомымъ въ плетеныхъ корзиночкахъ, хорошенькимъ украшеніямъ для волосъ, вѣерамъ, тросточкамъ и пирожнымъ всѣхъ сортовъ, жаренымъ бобамъ и каштанамъ, и другимъ вещамъ, слишкомъ многочисленнымъ, чтобы перечислить ихъ здѣсь. Длинный рядъ лавочекъ кончается палатками, въ которыхъ показываются танцующія дрессированныя животныя и чудовища, естественныя или искусственныя, за весьма умѣренную входную плату въ два или три сена. Каждая изъ палатокъ хорошо рекламируется ударами въ бубны, возгласами привратниковъ, удивительными картинами, намалеванными снаружи для соблазна проходящихъ, или, даже открытіемъ на короткое время занавѣсокъ, которыя скрываютъ сцену отъ уличной толпы, для того, чтобы возбудить танталовы муки искушенія войти туда. Велика радость дѣтей при видѣ всѣхъ этихъ предметовъ, и маленькія ножки ихъ не устаютъ, пока не обойдутъ каждую изъ лавочекъ и выставокъ, послѣ которыхъ спокойствіе сосѣднихъ улицъ, освѣщенныхъ только фонарями прохожихъ, поражаетъ возвращающуюся домой компанію контрастомъ со свѣтомъ и шумомъ праздника. Предположенная цѣль прогулки—

посѣщеніе храма—занимаетъ только малую часть времени и вниманія, и маленькія ручки наполнены интересными, купленными на выставкахъ, игрушками и бездѣлками... Не забыты и тѣ, которые остаются дома, такъ какъ счастливые посѣтителы ярмарки уносятъ оттуда подарки для каждаго члена семьи, потому что о-міадже, или подарокъ, даваемый отлучавшимися изъ дома тѣмъ, которые оставались въ немъ,—установившійся обычай въ японской жизни *.

Около десяти часовъ, когда толпы разсѣялись, и покупатели ушли домой и легли въ постель, лавочники убираютъ свои стойки, запаковываютъ товары и исчезаютъ, не оставляя никакого слѣда ночного веселья къ восходу солнца.

Кромѣ этихъ вечернихъ выставокъ, которыя бываютъ ежемѣсячно, или чаще, въ Японіи устраиваются также большія празднества въ честь различныхъ боговъ — нѣкоторыя ежегодно, другія же черезъ промежутки въ нѣсколько лѣтъ. Эти празднества или матсури продолжаются въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ которые городъ, кажется, весь отдается имъ. Дома и лавки весело украшены флагами и яркими, однообразными по рисунку и цвѣту, фонарями, висящими рядами съ низкихъ карнизовъ домовъ; улицы обсаживаются молодыми бамбуковыми деревьями и украшаются полосками ярко раскрашенной бумаги; въ разныхъ мѣстахъ устраиваются высокія площадки, на вершинахъ которыхъ музыканты, со свистящими флейтами и бубнами разныхъ калибровъ, задаютъ шумный концертъ, болѣе веселый, чѣмъ гармоничный...

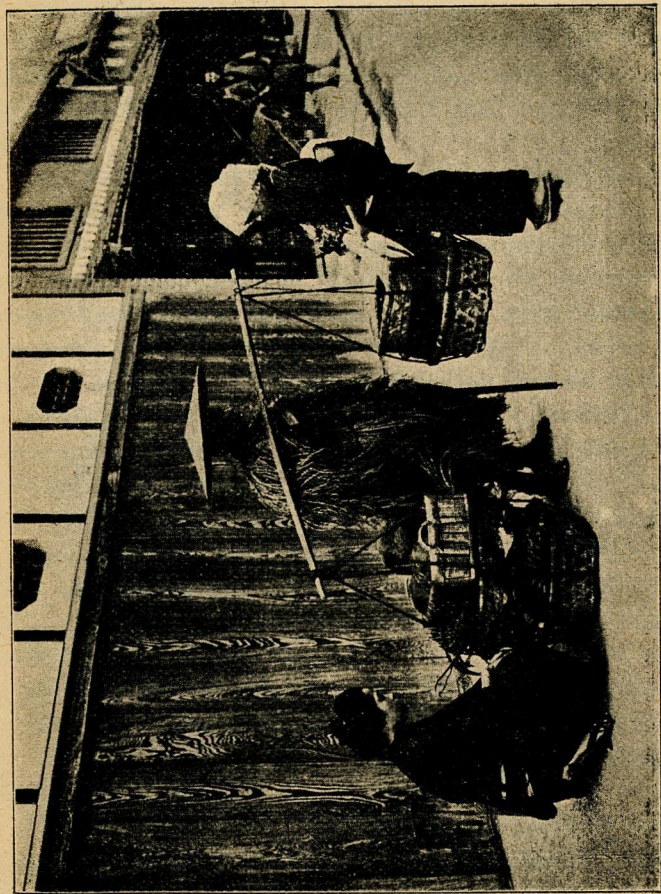
* О-міадже должно даваться не только по возвращеніи съ вечерней прогулки для удовольствія, но и со всякой такой же прогулки днемъ. Какъ правило, чѣмъ дольше длилось отсутствіе, тѣмъ лучше и дороже долженъ быть подарокъ.

Требуется болѣе сутокъ для того, чтобы праздникъ „разгорѣлся“, но зато въ концѣ второго дня или на третій день онъ достигаетъ апогея, и улицы кишатъ веселящимися. Съ затратой большого труда, силъ и изобрѣтательности сооружаются огромныя даши, или низкія платформы въ два этажа, которыя или ставятся на колеса и тогда возятся въпряженными въ нихъ черными быками, или же тянутся шумной группой молодежи, или кладутся на огромные шесты, при посредствѣ которыхъ носятся охотниками на плечахъ. Въ первомъ этажѣ такихъ платформъ располагается обыкновенно группа танцовщиковъ или ряженныхъ, которые танцуютъ, позируютъ или изображаютъ что либо въ лицахъ для увеселенія толпы, собирающейся кругомъ нихъ на пути; тогда какъ въ верхнемъ этажѣ изображеніе какого нибудь героя японской исторіи или фигура какого либо животного или чудовища неподвижно смотритъ внизъ на происходящія тамъ забавы.

Каждая даши сопровождается не только носильщиками или погонщиками быковъ, но и партіями другихъ участниковъ процессіи въ какихъ нибудь однообразныхъ костюмахъ; въ число такихъ участниковъ иногда нанимаются граціозныя профессиональныя танцовщицы, которыя то шествуютъ въ процессіи за даши, то исполняютъ въ послѣдней разныя танцы. Во время празднествъ, которыя сопровождали провозглашеніе конституціи въ Токио, увеселенія продолжались три дня, и это были дни такого универсальнаго веселья и радости, что они передались въ послѣдующія поколѣнія подъ названіемъ „Большой матсури императора“. Каждая часть города соперничала съ другой въ воспроизведеніи роскошныхъ даши, и улицы были украшены самыми разнообраз-

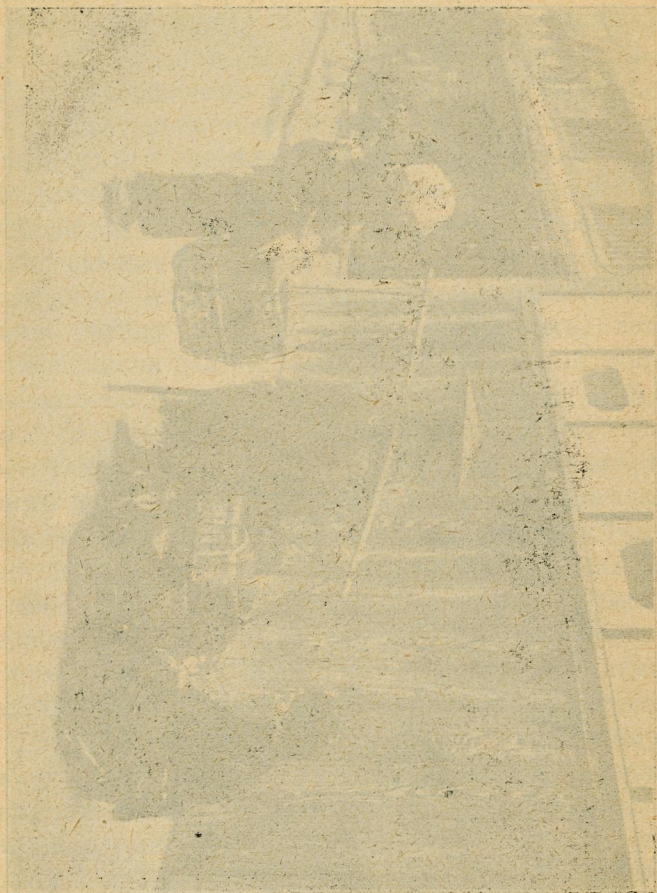
ными декораціями, отъ маленькихъ красныхъ и бѣлыхъ бумажныхъ фонарей, которые даже бѣднѣйшіе вывѣсили передъ своими домами, до большихъ вѣчно-зеленыхъ арокъ, украшенныхъ электрическими огнями, которыми дѣловые кварталы города изобиловали изъ конца въ конецъ... Кому—какъ, напримѣръ, мнѣ—удалось совершить въ эти вечера прогулки по городу тотъ не забудетъ ихъ во всю свою жизнь. Великолѣпныя даши и свидѣтельствовали о дѣятельной фантазіи, изощрявшейся на ихъ устройство. Напримѣръ, огромная раковина, везомая шумною толпою, останавливавшаяся время отъ времени на своемъ пути, открывалась, и обнаруживала между своими скорлупами группу красиво одѣтыхъ дѣвушекъ, которыя исполняли пантомимическіе національные танцы подъ аккомпанементъ пронзительныхъ мелодій самисены. Затѣмъ раковина медленно закрывалась, толпа снова хваталась за веревки и тянула ихъ, и она, со своимъ драгоценнымъ грузомъ, медленно двигалась вдоль весело иллюминированныхъ улицъ. Джимму Тенно и другіе герои легендарной японской исторіи, каждый на своей низкой платформѣ, бѣлый слонъ и безчисленное множество другихъ предметовъ фигурировали въ праздничныхъ процессіяхъ, снаряженныхъ всѣми кварталами города для чествованія великаго событія.

При такихъ празднествахъ лавочники не запираютъ своихъ ставней, хотя и останавливаютъ торговлю, и видъ открытыхъ лавокъ придаетъ улицамъ много красоты и оживленія. Полъ каждой лавки покрывается обыкновенно ярко-красными одѣялами, у задней стѣны ставятся для живописнаго фона великолѣпные золоченые экраны, и лавочникъ, его семья и гости, расположившись на полу, закусываютъ, попиваютъ чай и курятъ такъ беззаботно, какъ будто бы никто не

Торговец сельскими продуктами въ городѣ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

обращать вниманія на украшенную внутренность лавки. При этомъ случается, что у магазиновъ наиболѣе состоятельныхъ купцовъ происходятъ, по специальнымъ заказамъ послѣднихъ, танцы или другія какія либо увеселенія, привлекающія толпы зѣвакъ, которые смотрять на нихъ, пока авангардъ приближающейся даши не разсѣтъ ихъ на минуту.

Въ Японіи, какъ и въ другихъ странахъ свѣта, городскіе жители смотрять нѣсколько свысока на сельское населеніе, отличающееся сравнительно медленностью соображенія, безвкусіемъ въ одеждѣ и неотесанностью въ манерахъ, тогда какъ сельское населеніе посмѣивается, въ свою очередь, надъ модами и приемами горожанъ и радуется, что не дѣлается рабомъ новшествъ, особенно же иностранныхъ нововведеній, которыя играютъ такую выдающуюся роль въ современной городской жизни Японіи. „Лягушка въ болотѣ не знаетъ о существованіи океана“—поговорка, въ которой японскій горожанинъ смѣется надъ міровоззрѣніемъ фермера рисовыхъ полей; тогда какъ консервативный поселянинъ смѣется надъ подражаніемъ токійца иностранцу и возвращается въ свою деревню съ разсказами о странностяхъ столичной кухни: „столь расточительной, что сахаръ употребляется во всемъ; говорить даже, что токійцы кладутъ сахаръ и въ чай“.

Но несмотря на это подсмѣиванье деревни надъ городомъ, все-таки и въ Японіи, какъ вездѣ, существуетъ постоянный приливъ сельской молодежи въ болѣе живой и болѣе предприимчивый городъ. Токио особенно является цѣлью стремленій каждаго молодого крестьянина, и туда идетъ онъ искать счастья, находя слишкомъ часто—увы!—только суровый жре-

бій журумін, вмѣсто богатства и власти, которыя рисовали ему его деревенскіе сны.

Женщины низшаго класса въ городахъ во многихъ отношеніяхъ похожи на своихъ деревенскихъ сестеръ, но онѣ имѣютъ меньшую свободу, чѣмъ послѣднія, въ томъ, что экономисты называютъ „прямой производительностью“. Колодцы и баки съ водою, которые стоятъ вдоль улицъ въ Токио, часто окружены толпами женщинъ, берушихъ эту воду и моющихъ ризь. Онѣ встрѣчаются здѣсь, весело болтаютъ другъ съ другомъ и съ мужчинами, но у нихъ нѣтъ разнообразія въ работѣ, какое даетъ деревенская жизнь, и онѣ осуждены болѣе на жизнь внутри стѣпъ и на предоставленіе заработнаго труда въ значительно болѣе высокой степеніи мужчинамъ.

Однако и въ городѣ для женщинъ есть занятія, которыми онѣ могутъ снискивать пропитаніе и для себя, и для своихъ семействъ. Хорошая парикмахерша можетъ имѣть настолько недурной заработокъ, что, какъ гласитъ японская пословица, „мужу парикмахерши ничего не остается дѣлать“. Затѣмъ, хотя профессиональные портные—большей частью мужчины, многія женщины заняты шитьемъ и даютъ уроки рукодѣлія; наконецъ многія женщины старой школы въ состояніи обезпечить себѣ матеріальную независимость въ качествѣ учительницъ въ дѣлѣ чайной церемоніи этикета, музыки, живописи и составленія букетовъ и различныхъ украшеній изъ цвѣтовъ.

О содержаніи отелей мы говорили въ предшествующей главѣ, и можно считать установленною истинной, что если японецъ не имѣетъ способной жены, то отель его не будетъ имѣть успѣха. Въ настоящее время въ Токио повсюду возникаютъ небольшіе рестораны съ иностранной кухней, обыкновенно содержа-

щіеся японцемъ и его женой, которые нѣкоторое время служили въ кухнѣ или при буфетѣ въ иностранномъ семействѣ и которые ведутъ теперь дѣло кооперативно, на началахъ товарищества и равенства. Въ такихъ ресторанахъ можно имѣть хорошо приготовленный европейскій обѣдъ изъ трехъ, и даже до шести блюдъ, за умѣренную сумму отъ 30 до 40 сень, причемъ мужъ обыкновенно готовить кушанье, а жена прислуживаетъ посѣтителемъ и ведетъ денежные расчеты, пока не приходитъ время, когда доходы начнутъ оправдывать наемъ одной или нѣсколькихъ помощницъ. Тогда трудъ перераспредѣляется: хозяйка обыкновенно беретъ на себя только приемъ гостей и счетную часть, а наемныя дѣвушки или женщины прислуживаютъ за столомъ.

Одной изъ важныхъ профессій въ глазахъ многихъ японцевъ, особенно низшихъ классовъ, считается предсказаніе судьбы; и такіе „руководители“ во всѣхъ дѣлахъ жизни, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ, имѣются во всѣхъ частяхъ города. Съ ними совѣтуются „вѣрующіе“ всѣхъ классовъ передъ тѣмъ, какъ сдѣлать какой нибудь значительный шагъ. Предстоящая свадьба, болѣзнь, потеря какой либо цѣнной вещи, предполагаемое путешествіе—все это обстоятельства, требующія совѣщанія съ предсказателемъ. Послѣдній указываетъ на удачный день для свадьбы и говоритъ о томъ, хорошо ли сживутся семьи жениха и невесты; даетъ ключъ къ отысканію причинъ внезапной болѣзни, свѣдѣнія о томъ, что случилось съ потерянными вещами, и найдутся онѣ или нѣтъ... И вотъ, подъ вліяніемъ предупрежденій предсказателя о бѣдахъ, которыя могутъ случиться, если не остережешься, изобрѣтаются разныя остроумныя мѣры для ихъ предотвращения.

Напримѣръ, какая нибудь семья должна переѣхать на жительство изъ одной части города въ другую. Она посылаетъ къ предсказателю узнать, благосклонно ли отнесется судьба при этомъ переселеніи ко всѣмъ членамъ семьи, годъ и день рожденія каждаго изъ которыхъ называетъ ему. Предсказатель, руководствуясь различными признаками, извѣщаетъ, что новое мѣсто, въ общемъ, выбрано превосходно для благоденствія семьи вообще и въ частности для каждаго члена ея,—за исключеніемъ одного изъ сыновей; если же переѣздъ на новую квартиру состоится въ слѣдующемъ году, то это будетъ плохо для отца. Такъ какъ семья не можетъ ждать двухъ лѣтъ на старой квартирѣ, то рѣшаетъ, что переселеніе должно совершиться сейчасъ же, но что сынъ долженъ жить до слѣдующаго года у дяди. Домъ послѣдняго, однако расположенъ далеко отъ мѣста новой квартиры и семьи, и потому молодой человѣкъ является только какъ гость къ своему отцу до конца года и лишь по истеченіи его снова дѣлается членомъ своей семьи. Такимъ образомъ въ нашемъ примѣрѣ согласены между собой и неудобства отсрочки переѣзда, и угрозавшее зло ³². Мнѣ приходитъ на память еще другое происшествіе, случившееся съ теперь уже почтенной старушкой Го Инкіо Сама, изъ высокопоставленнаго дома, которая много лѣтъ назадъ, но будучи уже въ пожиломъ возрастѣ, пріѣхала въ Токію, чтобы жить со своимъ братомъ и его молодою и до нѣкоторой степени европеизированною женой. Братъ этотъ, хотя и не будучи христіаниномъ, не раздѣлялъ суевѣрій своихъ соотечественниковъ; жена же его была христіанкой. Вскорѣ послѣ того, какъ мать его пріѣхала въ Токію, ея невѣстка, а затѣмъ и племянники другъ за другомъ заболѣли разными болѣзнями.

ми, хотя и отнюдь неопасными, но всетаки державшими всю семью въ тревогѣ въ теченіе болѣе года. Почтенная дама была совершенно увѣрена, что здѣсь есть вліяніе какого-то злого колдовства противъ ея близкихъ, и потому, посовѣтовавшись съ прислугой (такъ какъ она знала, что не могла ожидать сочувствія своимъ планамъ ни отъ брата, ни отъ невѣстки), она обратилась къ предсказателю, чтобы узнать черезъ его посредство о причинахъ болѣзней въ семьѣ. Предсказатель открылъ ей фактъ, что двѣ тайныя силы вносили зло въ домъ ея родни; одна—это злой духъ источника или колодца, который былъ заваленъ камнями или какимъ либо образомъ затрудненъ въ своемъ теченіи и который захотѣлъ обратить на себя вниманіе смертныхъ, другая—духъ лошади, которая когда-то принадлежала этой фамиліи и которая мстила теперь потомкамъ своихъ прежнихъ господъ за дурное и жестокое съ ней обращеніе. Единственный путь для устраненія этихъ вліяній—отысканіе источника или заваленнаго колодца и сооруженіе изображенія лошади, а также постоянныя приношенія ей разныхъ съѣдобныхъ припасовъ. Предсказатель намекнулъ сверхъ того, что для дальнѣйшихъ соображеній онъ долженъ имѣть какое либо матеріальное пособіе, чтобы искать источникъ.

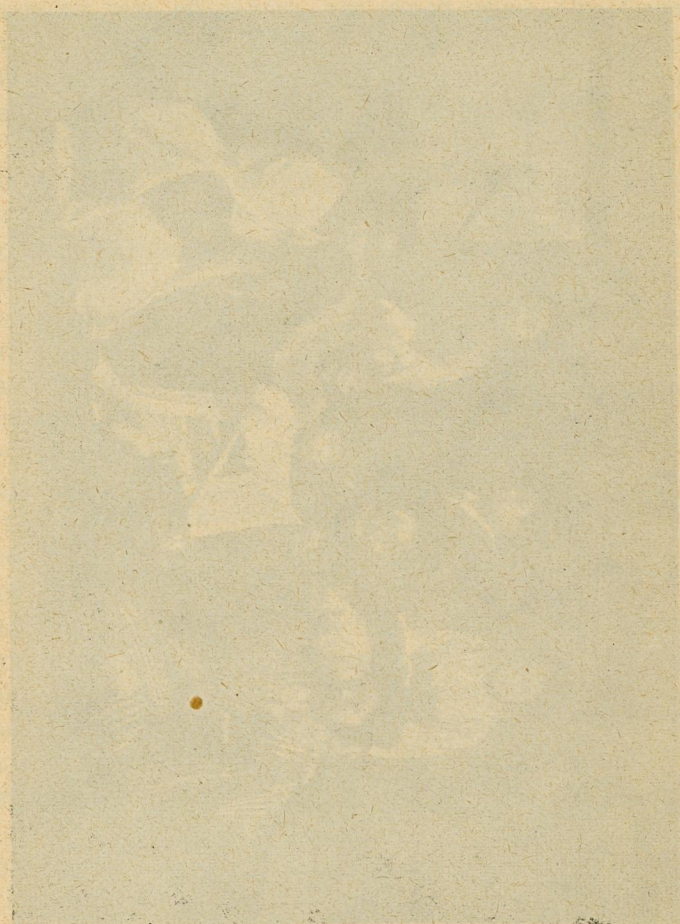
Получивъ такія извѣстія, Го Инкю Сама была сильно разстроена, потому что оказаніе помощи родственникамъ требовало, какъ мы видимъ, денегъ, а она почти не имѣла ихъ, такъ какъ главнымъ образомъ зависѣла отъ поддержки своего брата. Возвратившись домой, она опять посовѣтовалась объ этомъ дѣлѣ съ прислугой, которая совершенно соглашалась съ нею въ томъ, что что нибудь надо сдѣлать, но не могла собрать сумму, требовавшуюся предсказателемъ.

Наконецъ старушка рѣшилась обратиться прямо къ брату; но онъ только посмѣялся надъ ея доброжелательными попытками помочь его семейству и, конечно, отказался дать ей денегъ для такой цѣли. Она была обезкуражена, но, побуждаемая прислугой, рѣшилась сдѣлать послѣднюю попытку и обратиться къ своей невѣсткѣ, которая не могла остаться равнодушной къ бѣдѣ, угрожавшей ей и ея дѣтямъ. Взявъ съ собою одну изъ главныхъ прислужницъ, она пошла къ невѣсткѣ и изложила ей положеніе дѣла. Такъ какъ это было для нея послѣднимъ прибѣжищемъ, то она цѣплялась за надежду дольше, чѣмъ это сдѣлали бы многія другія, поддерживаемая мольбами и аргументами прислуги, но—увы!—только для того, чтобы въ концѣ концовъ убѣдиться, что невѣстка ея осталась непреклонной и совѣмъ нерасположенною ни умилюствовать сама духа лошади, ни дать денегъ кому нибудь для этой цѣли. Бѣдная женщина примирилась съ печальной необходимостью ждать судьбы осужденнаго дома, безъ сомнѣнія, сильно удивляясь и часто вздыхая по поводу неблагоразумнаго скептицизма своихъ близкихъ родственниковъ и желая, чтобы раціоналистическія тенденціи новой эпохи приняли менѣе опасное направленіе, чѣмъ пренебреженіе совершенно необходимыми предосторожностями. Обѣщанная предсказателемъ бѣда, однако, не нагрязнула до сихъ поръ, и въ концѣ концовъ Го Инкіо Сама, кажется, пришла къ убѣжденію, что она была отклонена отъ головъ ея близкихъ силою, неизвѣстною предсказателю.

Кромѣ перечисленныхъ выше профессій, для городскихъ женщинъ есть еще другія занятія, которыя, впрочемъ, не считаются почетными ни европейцами, ни японцами. Гейша-йя или учрежденія, гдѣ обучаются танцовщицы, посылающіяся оттуда днемъ или

Хоръ гейшъ.

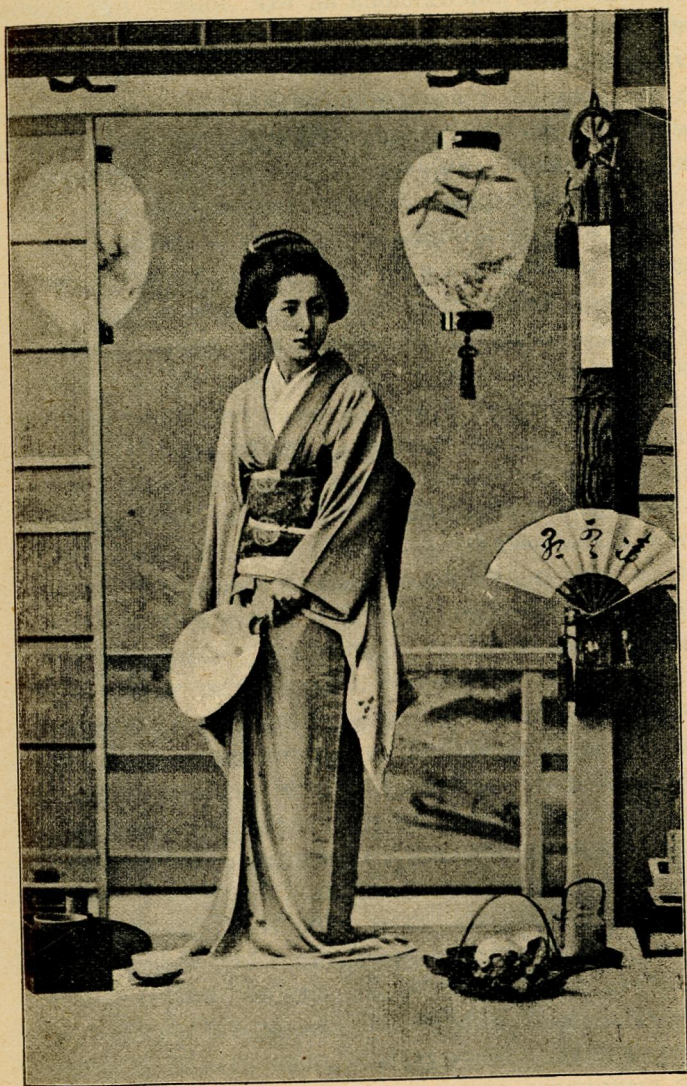

вечеромъ въ чайные дома, рестораны или частныя собранія за деньги, обыкновенно содержатся женщинами. Въ эти учрежденія принимаются маленькія дѣвочки, — иногда по контракту съ ихъ родителями, а иногда прямо удочеряемыя хозяйкой дома, — и съ весьма ранняго возраста обучаются тамъ не только танцамъ, но пѣнію, игрѣ на самисенѣ, этикету приѣма гостей и прислуживанія имъ, и всему тому, чѣмъ дѣвушка можетъ очаровать мужчину. При хорошихъ результатахъ обученія онѣ доставляютъ содержательницѣ разсматриваемаго учрежденія значительный доходъ и хорошо оплачиваютъ затраченный на нихъ трудъ, потому что популярная гейша получаетъ вездѣ хорошія цѣны, и все ея время занято нарасхватъ. Всякій приѣмъ гостей въ японскомъ домѣ считается неполнымъ безъ гейшъ, и ихъ танцы, музыка и изящное прислуживаніе за ужиномъ составляютъ очаровательное дополненіе при вечернемъ кейфѣ въ чайномъ домѣ. Тѣ же гейши нанимаются также во время матсури для слѣдованія въ процессіи въ фантастическихъ костюмахъ или для танцевъ на большой даши къ удовольствію восхищающейся ими толпы.

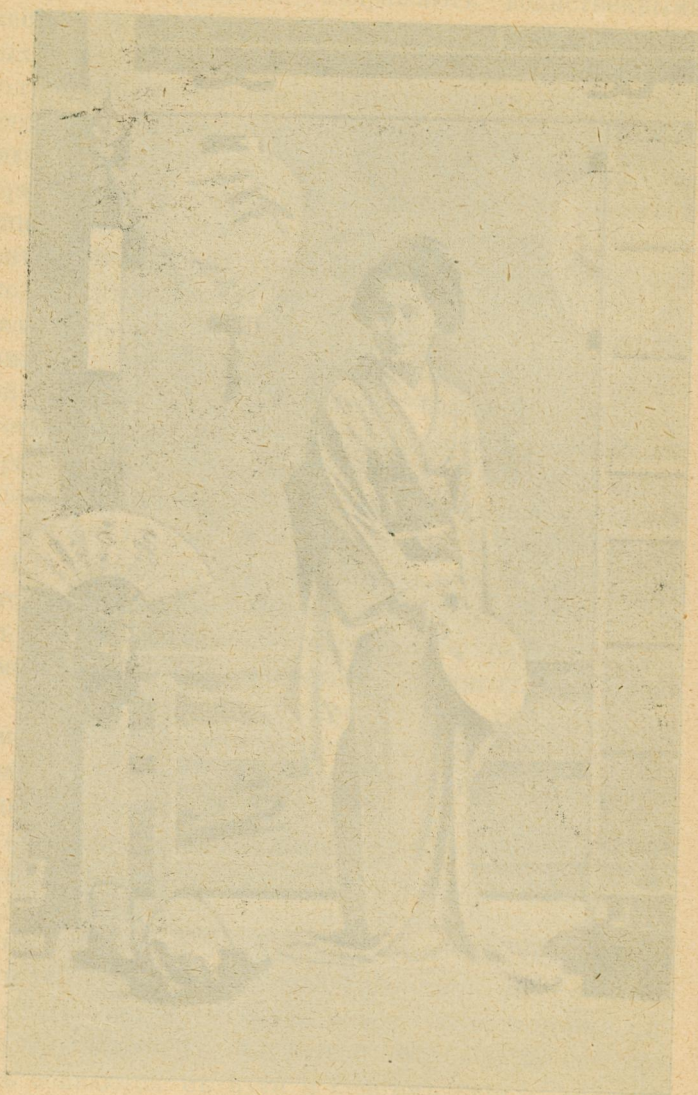
Японскіе танцы очаровательно граціозны и скромны; позировка и движенія тѣла и членовъ, художественные костюмы, разнообразіе ихъ и темъ для различныхъ танцевъ, — все это дѣлаетъ наслажденіе зрѣлищемъ гейшъ самымъ популярнымъ изъ развлеченій въ Японіи. Изящныя субтильныя дѣвушки, то, одѣтыя въ пурпуровыя или желтыя платья, подражаютъ движеніями своего гибкаго тѣла дрожанію кленовыхъ листьевъ подъ дуновеніями осенняго вѣтра; то, съ подоткнутыми кимоно и въ миловидныхъ красныхъ юбочкахъ, представляютъ деревенскихъ дѣвушекъ, несущихъ яйца на рынокъ въ сосѣднюю деревню; то,

увѣшанныя оружіемъ, подражаютъ воинственнымъ жестами и мужественной поступью кому либо изъ старыхъ героевъ. Или, наконецъ, съ разрисованными подъ морщины лицами и напудренными прядями волосъ, онѣ, вооруженныя кочергами и щетками, исполняютъ танецъ добраго старца и доброй старухи, которые играютъ такую выдающуюся роль въ японской живописи. И затѣмъ, когда танецъ оконченъ, и всѣ зрители очарованы граціей и красотой гейшъ, онѣ сходятъ въ комнату, гдѣ накрытъ ужинъ, и угощаютъ своихъ временныхъ друзей бутылкой сакѣ, со смѣхомъ и шутками, почему и неудивительно, что молодой человѣкъ вышиваетъ здѣсь больше, чѣмъ слѣдуетъ, и оставляетъ чайный домъ совсѣмъ навеселѣ, порабощенный блестящими глазками и веселымъ остроуміемъ какой нибудь изъ Гебъ, которая услаждала его въ теченіе цѣлаго вечера.

Къ несчастью, гейши, хотя и прекрасны, но неустойчивы въ нравственномъ отношеніи. Въ системѣ ихъ воспитанія манеры стоятъ выше нравственности, и многія изъ нихъ съ радостью оставляютъ свои танцы въ чайныхъ домахъ для того, чтобы сдѣлаться наложницами какихъ либо богатыхъ японцевъ или иностранцевъ, отнюдь не становясь при такой сдѣлкѣ худшаго о себѣ мнѣнія и весело возвращаясь назадъ къ своей регулярной работѣ, какъ только контрактъ неожиданно или по условію кончается. Гейша отнюдь не должна быть непременно дурною дѣвушкой, но въ ея жизни много искушеній ко злу и мало стимуловъ къ безупречному поведенію: такъ что, если съ одной стороны среди нихъ и есть такія, которыя живутъ непорочно, то, съ другой стороны, многія изъ нихъ сбиваются съ пути и совсѣмъ переходятъ границы. Тѣмъ не менѣе, такъ обольстительны и пре-

Гейша у себя дома.

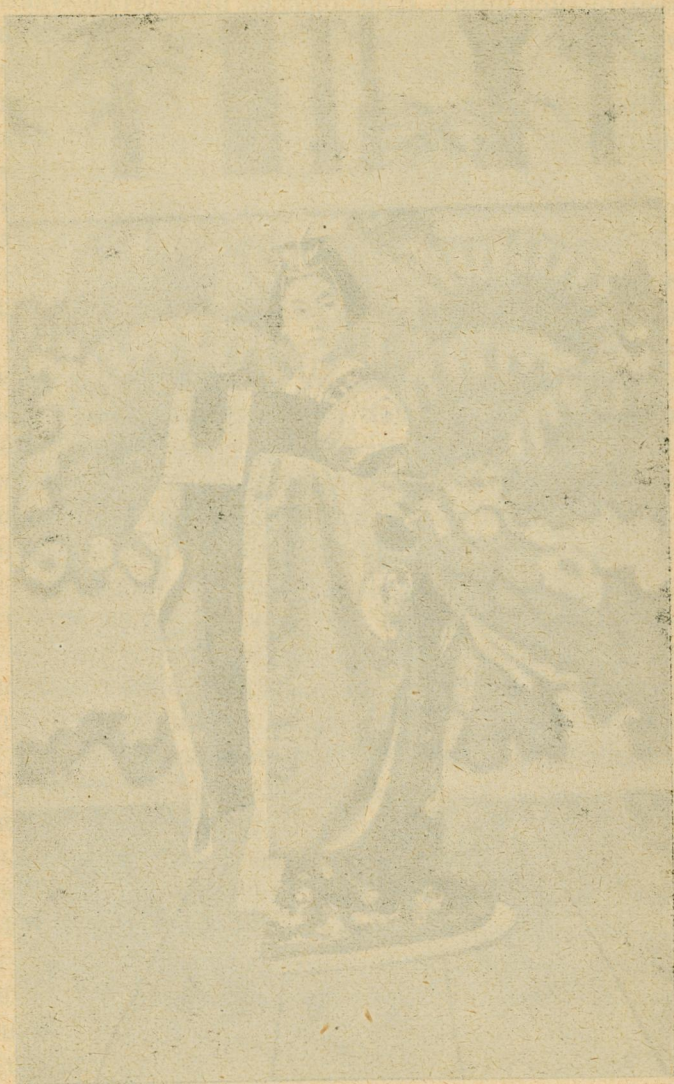
лестны эти гейши, что на многихъ изъ нихъ женятся мужчины, занимающіе хорошее положеніе, и во главѣ многихъ почтенныхъ домовъ можно найти бывшихъ гейшъ. Безъ истиннаго образованія и моральныхъ принциповъ, но обученная въ совершенствѣ веѣмъ искусствамъ и умѣньямъ, которыя нравятся мужчинамъ,—остроумная, находчивая, хорошенькая и всегда хорошо одѣтая, — гейша оказывается грозною соперницей скромной, тихой дѣвушки изъ хорошаго семейства, которая можетъ дать своему мужу только незапятнанное имя, молчаливое послушаніе и „вѣрную службу“ во всю свою жизнь. Свобода нашего вѣка, какъ она выяснена нами въ главѣ „Бракъ и разводъ“ и поскольку она видна въ выборѣ такихъ женъ, выдвинула великую проблему для мыслящихъ женщинъ въ Японіи. Въ самомъ дѣлѣ, если женами передовыхъ людей страны являются, не какъ рѣдкое исключеніе, женщины изъ этого класса, то, очевидно, есть въ положеніи женщины что нибудь ненормальное и требующее неотложнаго искорененія ради блага будущей Японіи. Надо или поднять требованія мужчинъ по отношенію къ женщинамъ, или измѣнить старую систему образованія женщинъ. Либеральное воспитаніе и большая свобода женщинъ должны быть признаны, повидимому, рациональнымъ и все болѣе и болѣе практикуемымъ средствомъ для достиженія желаемыхъ результатовъ; но всетаки пока еще гейша и ея чары играютъ въ Японіи роль, глубоко пустившую корни въ общественномъ бытѣ страны.

Ниже гейши стоитъ на общественной лѣстницѣ жоро или патентованная проститутка. Каждый городъ въ Японіи имѣетъ свой, пользующійся дурной репутацией, кварталъ, гдѣ расположены различныя жоройя, или снабженные патентомъ дома проституціи.

Правительственный надзоръ надъ этими домами чрезвычайно строга: употребляются все усилія къ тому, чтобы ограничить ихъ разными узаконеніями и такимъ регулированіемъ ихъ уменьшить зло, которое неизбежно распространяють они. Владѣльцы жоройя дѣлають все, что въ ихъ силахъ, чтобы придать своимъ домамъ, садикамъ и жилищкамъ привлекательный видъ, и для неосвѣдомленнаго иностранца эта часть города, по внѣшнему виду, можетъ показаться самою пріятной и даже самою порядочною. Жоро никогда не пуждается въ томъ, чтобы ее приняли за почтенную женщину, потому что ея костюмъ отличается отъ костюма послѣдней, и недолгое пребываніе въ Японіи достаточно для того, чтобы даже самый несообразительный понялъ, что о би или поясъ, повязанный въ бантъ спереди, а не сзади, есть свидѣтельство крайняго безстыдства. Однако, хотя профессія жоро считается позорной,—хотя кварталъ проституттокъ есть мѣсто, въ которомъ полиція ищетъ свѣдѣній о преступникѣ и нарушителѣ закона, который рано или поздно попадаетъ туда, какъ въ ловушку,—общественное мнѣніе японцевъ, признавая, что это зло велико, не смотритъ всетаки на профессиональную проститутку съ презрѣніемъ, какое внушаетъ она въ христіанскихъ странахъ. Причина этого лежитъ не только въ низкомъ идеалѣ нравственности въ Японіи, хотя правда, что на грѣхи этого рода тамъ смотрять болѣе снисходительно, чѣмъ въ Англіи и Америкѣ. Причина болѣе всего кроется въ фактѣ, что эти женщины здѣсь рѣдко предаются своей профессіи самопроизвольно. Многія изъ нихъ, въ сущности,—рабыни, проданныя въ дѣтствѣ содержателямъ жоройя, подъ руководствомъ которыхъ онѣ воспитываются и подготавливаются къ образу жизни, не зная ни о ка-

Японская актриса въ костюмѣ старыхъ времянь.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

комъ другомъ, кромѣ него. Нѣкоторыя проститутки, можетъ быть, пожертвовали собой добровольно и сознательно, хотя и неохотно, для тѣхъ, кого любятъ, отдавшись въ рабство для доставленія своимъ близкимъ средствъ къ существованію и къ спасенію отъ безчестія. Многіе изъ японскихъ романовъ выставляютъ добродѣтельныхъ жоро, которыя неожиданно вознаграждаются за свое самопожертвованіе находженіемъ возлюбленнаго, пожелавшаго снова поднять ее на высоту почтенной жизни и сдѣлать ее счастливою женой и матерью. Такія исторіи необходимо должны понизить мѣрку нравственности въ отношеніи цѣломудрія; но въ странѣ, гдѣ мало мѣста для развитія невиннаго романа, воображеніе должно искать для себя матеріалы тамъ, гдѣ можетъ. Эти жоройя даютъ въ Японіи пріютъ тысячамъ женщинъ, но въ немногихъ случаяхъ, повторяемъ, послѣднія сами ищутъ этого пріюта. И болѣе легкій доступъ къ почетнымъ путямъ, вмѣстѣ съ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ пользу обезпеченія для каждой женщины права на личность, имѣли бы послѣдствіемъ уменьшеніе числа жертвъ, которыя разсматриваемыя учрежденія ежегодно втягиваютъ въ свой хищный водоворотъ.

Невинныя и почтенныя развлеченія въ городахъ разнообразны и многочисленны. Мы уже упомянули мимоходомъ о театрѣ, какъ объ одномъ изъ любимыхъ народныхъ развлеченій, и хотя въ Японіи на него никогда не смотрѣли, какъ на очень утонченное увеселеніе, онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ нынѣ много для воспитанія въ низшихъ классахъ населенія уваженія къ исторіи страны и къ духу былыхъ временъ. Въ присутствіи императора и его двора, атакже شوгуна и его дворянъ, въ театрахъ никогда не стави-

лись пьесы, такъ какъ танецъ „н о“ считался единственнымъ драматическимъ развлеченіемъ, достойнымъ услажденія имъ знати. Это „н о“—древнее японское театральное представленіе, похожее на греческую драму, быть можетъ, болѣе, чѣмъ что нибудь другое въ нашей современной жизни. Всѣ движенія актеровъ соразмѣрны и условны; рѣчь—поэтический речитативъ; костюмы вычурны и античны; маски въ большемъ употребленіи, и хоръ, сидящій на сценѣ, поетъ громкіе комментаріи по поводу различныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ. Это самое древнее и классическое изъ японскихъ театральныхъ представленій, повторяемъ, только одно считается достойнымъ вниманія императора и знати, и дается въ ихъ присутствіи, взамѣнъ болѣе вульгарныхъ и реалистическихъ пьесъ, которыя услаждаютъ простой народъ.

Регулярный театръ передаетъ во многихъ отношеніяхъ жизнь и костюмы старой Японіи, и всѣ детали послѣднихъ, также какъ обстановка, изучаются режиссеромъ театра въ высшей степени тщательно по историческимъ источникамъ. Актеры—обыкновенно мужчины, хотя есть и „женскіе театры“, въ которыхъ всѣ роли исполняются женщинами; одновременное же участіе на сценѣ представителей разныхъ половъ никоимъ образомъ не допускается. Такъ какъ театральныя представленія продолжаются цѣлый день, — отъ десяти или одиннадцати часовъ утра до восьми или девяти часовъ вечера, — то посѣщеніе театровъ требуетъ гораздо болѣе времени, чѣмъ то, которое освобождается отъ правильно текущей работы. Завтраки и обѣды, съ безчисленными легкими закусками между ними, включаются въ билетную плату за представленіе въ данный день, и чайные дома по сосѣдству театра заняты тогда при-

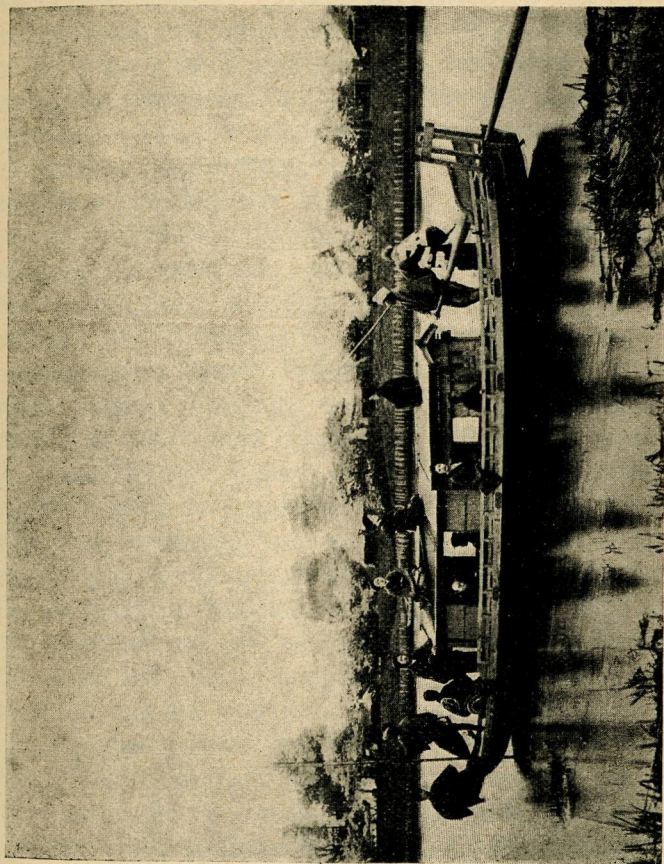
готовленіемъ всего необходимаго; трапеза происходитъ въ антрактѣ между дѣйствіями пьесы, въ особой для того комнатѣ. Что же касается закусокъ и чая, то они подаются прислугой чайныхъ домовъ въ ложы во время самаго представленія, и занятые театралы ѣдятъ и курятъ цѣлый долгій день, какъ во время шумнаго фарса, такъ и самой кровавой трагедіи.

Во многихъ отношеніяхъ похожи на театръ публичныя залы, гдѣ профессиональные рассказчики, ганашика, вечеръ за вечеромъ рассказываютъ длинныя исторіи переполненнымъ аудиторіямъ, съ искусствомъ и живостью самаго тонкаго декламатора. Каждый жестъ, каждое движеніе, каждая модуляція голоса изучаются такими рассказчиками также тщательно, какъ и драматическими актерами. Здѣсь можно слышать много чарующихъ рассказовъ о старой Японіи, но кромѣ того и рассказы изъ жизни западныхъ странъ находятъ мѣсто въ этихъ залахъ. Одна и та же исторія длится часто много вечеровъ подрядъ, прежде чѣмъ окончится. Къ несчастью, классъ населенія, посѣщающій эти залы, невысокъ, и въ нравственномъ отношеніи нѣкоторые рассказы тамъ заслуживаютъ упрека. Однако всетаки лучшіе изъ рассказчиковъ,—тѣ, которые имѣютъ талантъ и репутацию,—часто приглашаются въ собраніе въ частные дома для увеселенія большой компаніи своимъ краснорѣчіемъ и мимикой... Такія собранія въ большомъ фаворѣ въ Японіи.

Ганашика въ такомъ совершенствѣ овладѣлъ искусствомъ подражанія, что можетъ моментально перейти отъ тона ребенка къ тону старухъ. Имъ избираются для рассказовъ сюжеты торжественные и грустные, также какъ веселые и яркіе, и онъ

всегда сумѣетъ заставить свою аудиторію плакать или смѣяться, смотря по избранной имъ темѣ, и аплодисменты, всегда получаемые имъ по окончаніи разсказа, являются заслуженными.

Ганами или пикники, устраиваемые съ цѣлью полюбоваться на цвѣтеніе тѣхъ или другихъ деревьевъ и цвѣтовъ, хотя и не относятся къ городской жизни въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія, но составляютъ одно изъ величайшихъ удовольствій для городского населенія. Рѣка Сумида, на которой расположенъ Токио, украшена по своему восточному берегу на нѣсколько миль знаменитыми японскими вишневыми деревьями; и когда въ апрѣлѣ и маѣ махровый цвѣтъ ихъ достигаетъ полнаго развитія, то огромныя толпы народа направляются къ Мукожима наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Рѣка буквально кишитъ тогда лодками съ сидящими въ нихъ участниками пикника. Каждый чайный домъ на берегу переполненъ гостями, и „въ подкрѣпленіе имъ“ всюду раскидываются многочисленныя временныя лавочки, ставки и т. п., бойко торгующія плодами, сладостями и закусками; вмѣстѣ съ послѣдними и саке часто слишкомъ усердно истребляется веселящимися, пылающія лица которыхъ показываютъ, какъ они провели время. Но собственно главное наслажденіе гуляющихъ составляетъ зрѣлище прелестныхъ цвѣтовъ, широкой тихой рѣки и пестрой яркой толпы. Сотни и тысячи народа наводняютъ пригородныя мѣстности возлѣ Токио: паркъ Уено, ради цвѣтенія тамъ вишенъ и персиковъ; Каmeidо, гдѣ распускаются цвѣты сливовыхъ деревьевъ и вистарія; Оджи, славящееся знаменитыми кленами,—и многія другія мѣста, каждое отличающееся спеціальною красотой. Нельзя не указать при этомъ на мѣстечко Данго-Зака, привлека-

Протулка по рѣкѣ Сумида въ Токио.

ющее публику своеобразнымъ зрѣлищемъ знаменитыхъ картинъ и группъ изъ хризантемъ, иллюстрирующихъ историческія событія, или легенды, хорошо извѣстныя народу. Группы состояются изъ куколъ, изображающихъ людей въ натуральную величину, и лица, руки и ноги ихъ сдѣланы изъ какой-то композиции; но интересно то, что обстановка картины или группы, — будь то изображеніе водопада, скаль или деревьевъ, животныхъ, а также костюмы куколъ, сдѣланы всецѣло изъ хризантемовыхъ прутьевъ, листьевъ и цвѣтовъ, которые не срѣзаны и вотканы въ матерію, — какъ это кажется съ перваго взгляда вслѣдствіе того, что они связаны между собой такъ плотно, что составляютъ гладкую поверхность, — но оставлены на кусть. Невозможно сказать, куда спрятаны стволы и корни, потому что ихъ совсѣмъ не видно ни въ одной детали картины. Разматривая внимательно послѣднюю, зритель видитъ, напримѣръ, поразительно натуральные бѣлые брызги и зеленоватую пыль водопада, или какъ будто вотканные цвѣты на платѣ дѣвушки; но если посѣтителю посчастливится видѣть исправленіе какого либо изъ этихъ изображеній, то онъ найдетъ, что все изображеніе составлено изъ рамы, сплетенной изъ бамбуковыхъ вѣтвей; внутри ея спрятаны стволы и корни растенія, обложенные сырою землею и подвязанные соломой, тогда какъ листья и цвѣты, артистически закрывая весь этотъ наборъ, сгруппированы такъ, что придаютъ произведенію желаемый смыслъ и дѣйствительно художественный видъ. Кровля изъ циновки защищаетъ каждую группу или картину отъ солнца, и даже легкое обрызгиваніе корней и зелени каждую ночь помогаетъ сохраненію растеній свѣжими почти въ теченіе мѣсяца, причемъ цвѣты продолжаютъ

цвѣсти все это время также хорошо, какъ еслибы были въ естественномъ положеніи. Каждый изъ садовниковъ имѣетъ свою собственную маленькую выставку, состоящую изъ нѣсколькихъ картинъ, и входъ къ нему охраняется офиціознымъ привратникомъ, который выкрикиваетъ достоинство его фигуръ и навязываетъ свои объявленія проходящимъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ плату въ два сена, которая взимается за обозрѣніе каждой выставки.

Изъ прочтенной сейчасъ читателемъ главы нашей книги онъ долженъ вывести заключеніе, что городскія обитательницы не лишены возможности разнообразить свою жизнь различными развлеченіями и, если онѣ не имѣютъ занятій внѣ дома, — длинныхъ путешествій въ горы, собиранія чая, полевыхъ и другихъ работъ, приходящихся на долю деревенской женщины, — то зато не имѣютъ недостатка въ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ и, замѣтимъ мы, не часто стремятся измѣнить свой жребій на болѣе трудную, хотя и болѣе свободную жизнь въ деревнѣ. .